

Глава 13. Фэнхуа

Кое-что меня всё-таки беспокоило. С того самого дня я больше не видел Цинь Хуаня.

Подумать только: спасая этого вонючего извращенца Мо Чэ, я оставил парня одного, а за последние дни умудрился совершенно бессовестно о нём позабыть. И вспомнил лишь сегодня, когда выбрался на прогулку.

Цинь Хуаня дома не оказалось. Я расспрашивал встречных, но все в один голос твердили, что давно его не встречали.

— Разве этот пацан не помогает второму главе? — подсказал кто-то.

— Он у Ху Лая?

Мужчина качнул головой:

— Точно не знаю, но раньше он постоянно там отирал штаны.

И какой смысл был спрашивать? Знай я об этом раньше, поинтересовался бы у самого Ху Лая, когда тот заходил в последний раз.

Пока я предавался унылым раздумьям, на меня на всём скаку налетели двое сорванцов. Малыши, лет семи-восьми, сбили меня с ног, навалившись сверху, точно на кузнечика.

Старшая девочка присела рядом. Два её хвостика-баранки смешно подрагивали, напоминая заячьи ушки. Она вытаращилась на меня, а младший мальчик с размазанными по лицу соплями вцепился мне в голень и тоже захлопал глазами.

Спустя мгновение девочка заговорила:

— Сяо Байлянь, а ты правда бог? Умеешь летать по небу? А можешь нас с Лянляном покатать?

Я потёр ушибленный зад, кривясь от боли.

— И кто же тебе сказал, что я бог?

Её румяное личико расплылось в улыбке. Она подперла голову кулачками и с завистью уставилась на меня:

— В крепости все так говорят. Мол, Сяо Байлянь летает под облаками... и что Сяо Байлянь — жена нашего первого главы...

При этих словах я потемнел лицом, а краска залила всё — от кончиков ушей до шеи. То ли от смущения, то ли от ярости, я оскалился, обнажив ряд сверкающих зубов, и рывкнул:

— Чушь! Какому идиоту приспичит стать женой этого Котелка?! Кто там распускает эти грязные сплетни? Язык бы им отсох!

— Сяо Байлянь... — Девочка, видя мой гнев, жалобно потянула меня за край одежды.

— Зови меня «братец»!

Я был в ярости, и любому, кто встал бы у меня на пути, пришёл бы конец. Мальчишка, испуганный моим напором, вздрогнул. Посмотрев на притихшую подругу, он запинаясь пролепетал:

— Братец... это... это не Сяо Фан придумала... Это второй глава... Когда лечил моего папу...

Ху Лай!

Мои суставы затрещали. Я помрачнел. В голове мгновенно всплыла физиономия этого пройдохи, сияющая самодовольством. Больше всего на свете мне хотелось схватить его за болтливый язык и забить рот чем-нибудь потяжелее, чтобы он больше и звука издать не мог.

Небесные существа, спускаясь в мир смертных, обычно стараются сохранять таинственность. А этот тип раззвонил о моём происхождении каждому встречному, да ещё и тогда, когда я лишился сил! Неужели люди не знают, что лишняя слава — это лишние беды?

К тому же, я до сих пор жалел, что поддался на его уловку и сменил гнев на милость по отношению к Мо Чэ. Этот извращенец с того дня вёл себя крайне... странно.

Куда бы я ни пошёл, он следовал за мной. Держался на почтительном расстоянии, вроде бы и не мешал, но этот вечный взгляд в спину изводил меня. Стоило мне обернуться и гневно зыркнуть на него, как он тут же смущённо отводил глаза, вертел пальцами и поджимал губы, время от времени бросая на меня робкие взгляды.

Меня это просто выбешивало. Ты что, девица на выданье?!

Несколько раз я порывался его обругать, но он лишь молча опускал голову. Вид у него при этом был такой несчастный, что я едва удерживался, чтобы не нарушить приличия и не применить физическую силу. Мо Чэ уже за двадцать, он рослый, плечистый и статный

мужчина — с чего бы ему жеманничать, как девчонке? Я, пострадавшая сторона, вёл себя куда спокойнее, чем он.

Чем дальше я на него смотрел, тем сильнее закипал. И сегодня, когда мне наконец удалось ускользнуть от его надзора, я услышал новости одна краше другой. Будь их героем кто-то другой, я бы, может, и посмеялся. Но сейчас мне хотелось только рвать и метать.

Заметив, что дети вот-вот разрыдаются, я тяжело вздохнул и остыл.

— Ну чего расселись? Разве вы не хотели полетать?

— Сяо Байлянь, ты правда нас покатаешь? — обрадовалась девочка.

Я вскинул бровь и недовольно отвернулся:

— Только если будете звать меня братцем.

— Братец Лянь! — в один голос пропели малыши.

Их сияющие лица напомнили мне распустившиеся подсолнухи.

Хоть я и лишился магических сил, Шпилька Управления Ветром всё ещё могла поднять нас в воздух. В конце концов, раз уж все и так знают, кто я, а я тут только ем и пью за чужой счёт, нужно хоть какую-то пользу принести, чтобы не прослыть нахлебником. Да и как отказать в такой нехитрой детской просьбе?

Перед взлётом я подхватил детей под мышки:

— Сяо Фан, Лянлян, держитесь за мою шею крепче. И не вздумайте отпускать!

Они серьезно закивали. Я улыбнулся:

— Ну, полетели!

С резким свистом мы взмыли к самым облакам. Вокруг закружились вихри холодного тумана, клочья облаков неслись навстречу, путаясь под ногами. Пронзив плотную пелену, мы вырвались в чистое небо. Внизу проплывали горные хребты и глубокие ущелья, серебрились ленты рек. Наконец перед нами открылась бескрайняя лазурь моря — сияющая драгоценность, над которой лениво кружили чайки.

— Братец Лянь, это где? — спросил один из детей, ошеломлённый переменой пейзажа.

— Здесь. Это место, где ты живёшь. Твой дом.

— Мой дом?

В их глазах светилось изумление и чистая радость.

— Почему же я не знала, что он такой огромный?

Я тихо рассмеялся:

— Это потому, что твои ножки ещё не выросли. Вот когда ты станешь быстрой, как орёл, тогда сама сможешь оставить свои следы в каждом уголке этого мира.

— А что такое «следы»? — спросили они хором.

— Следы... это память о том, где ты была. Когда ты состаришься, эти воспоминания расцветут и принесут плоды, наполняя твою жизнь смыслом.

Бесконечный смех, бесконечная печаль... Нет ни вечной радости, ни вечного горя. Возможно, всё сущее — лишь один большой и грустный сон. А может, и нет. Ведь направление жизни переменчиво, как ветер, и никто не знает, куда принесёт нас поток, начавшийся со случайной встречи.

Будущее — это всего лишь мимолётное движение твоих губ. Опущенные уголки означают потерю, приподнятые — счастье.

Когда мы вернулись в крепость Байхуэй, дети, едва коснувшись земли, с весёлыми криками умчались домой. Я проводил их взглядом, а обернувшись, едва не подпрыгнул: этот истукан Мо Чэ стоял прямо за моей спиной.

— Ты чего здесь выстроился как памятник?!

Он виновато опустил голову, бросил на меня робкий взгляд и промолчал.

Вены на моем лбу вздулись. Я схватил его за ворот куртки и встряхнул:

— Есть что сказать — говори! А будешь и дальше прикидываться немым, я тебя в Восточное море рыбам на корм выброшу!

Его губы дрогнули, он ещё яростнее затеребил пальцы, но так и не выдавил ни слова. Прошло добрых полчаса, а он всё так же безмолвно тащился за мной след в след. Я пытался не

обращать внимания и просто гулять, но каждый встречный смотрел на нас с такой двусмысленной ухмылкой, что у меня мурашки по спине бегали.

Ладно, я сдаюсь.

Я резко развернулся и, упершись руками ему в грудь, отпихнул назад:

— Я проголодался. Иди и готовь обед.

Он покорно кивнул, но даже не сдвинулся с места.

Теперь он не только молчал, но и перестал слушаться. Раньше его угрюмая невозмутимость казалась мне проклятием, но теперь я понял, каким же это было благом. Благом, от которого хотелось плакать.

— Прошу тебя, скажи хоть слово! — взмолился я, когда он протащился за мной ещё полпути. — То, что я не хочу тебя слышать, было сказано сгоряча. Я беру свои слова назад. Теперь ты можешь говорить!

Он закусил губу. По его лицу катился пот — то ли от жары, то ли от напряжения.

Видя, что он продолжает упорствовать в своём молчании, я не выдержал. Схватив его за руку, я потащил его на небольшой холм за крепостью, где над пропастью нависал утёс, открытый всем ветрам.

Оставив его в стороне, я подошёл к самому краю и закричал во всё горло:

— Мо Чэ, ты проклятый извращенец!

Эхо раскатилось по долине, запуталось в густой зелени деревьев и спугнуло стаи птиц. Я осклабился и обернулся к мужчине, который смотрел на меня, вытаращив глаза.

— Если на душе паршиво — кричи. Если всё держать в себе, однажды пожалеешь так, что нутро вывернет.

Горы сходились пиками, уходя за горизонт. Каждому человеку нужна своя гора — та, которой можно доверить свой крик, на которую можно опереться и которая примет любую твою боль.

— Ну же, попробуй, — улыбнулся я, похлопав его по плечу.

Внезапно Мо Чэ перехватил моё запястье и одним рывком притянул к себе. Он обнял меня так

крепко, что перехватило дыхание. Я уже собирался вырваться, но услышал над самым ухом его хриплый, надтреснутый голос:

— Лянь...

Силы сопротивляться мгновенно оставили меня. Я прижался к его груди.

— Продолжай.

— Лянь.

— Ещё...

— Лянь...

Этот шёпот, бережный, словно он боялся, что его развеет ветром, обжигал сильнее любого пламени. Огромное количество невысказанных слов повисло между нами, пока мы стояли, не шевелясь. Оказалось, что самый прекрасный звук на свете — это когда он зовёт меня по имени.

Портить такой момент было донельзя досадно, но мой живот уже давно и ритмично подавал сигналы о помощи. Мо Чэ, должно быть, тоже это услышал и медленно разжал объятия.

Я честно ткнул пальцем в живот:

— Я хочу есть.

— Угу, — он тихо кивнул, и в его взгляде промелькнуло некое подобие улыбки.

Впервые я видел, как его вечно холодное лицо смягчается, становясь текучим и нежным, точно вода. Я оцепенел, потеряв дар речи, и позволил ему за руку увести себя домой ужинать.

Ну что за ничтожество! Уставился на смертного как баран на новые ворота.

Ночью я ворочался с боку на бок и в конце концов со злостью пнул кровать. В тот же миг в дверях возник его силуэт.

— Что случилось? — тихо спросил он.

В крошечной тьме я не видел его лица, но голос узнал сразу.

— Ничего, — выдавил я натянутый смешок. — Просто кошмар приснился.

Не говорить же ему, что я не могу уснуть из-за мыслей о нём? Это было бы слишком тошнотворно. Чтобы сменить тему, я приподнялся на локтях:

— А ты? Собираешься уходить?

— Нет нужды.

— Почему?

— Демон красного скорпиона покинул поместье Ванов. Идти незачем.

Видя, что он так и стоит в дверях, я зажёл маленькую лампу на столе. Тусклый тёплый свет залил комнату. Я обернулся и почти приказал:

— Мне не спится. Поговори со мной.

Зная, что он не откажет, я дождался, пока он подойдёт и сядет напротив. При свете лампы я заметил длинный меч за его спиной и невольно хмыкнул:

— Слушай, а тебе не кажется, что ты носишь этот меч как-то странно?

Он посмотрел на меня с недоумением. Подперев голову руками, я пояснил:

— Прямые мечи обычно носят на поясе, а за спину закидывают тяжелые клинки из черного железа. Твой же меч такой изящный, а ты его на горбу таскаешь. Выглядит грубовато.

— У него нет ножен, — ответил он как нечто само собой разумеющееся. — Боюсь кого-нибудь поранить.

Свет лампы ложился на лицо Мо Чэ, придавая ему странную мягкость. Казалось, он пребывал в том возвышенном спокойствии, с которым Будда взирает на цветок лотоса. Его взгляд, чистый и глубокий, был прикован ко мне.

Щёки зажгло. Сердце предательски ёкнуло, и я принялся испуганно озираться по сторонам:

— Чего вылутился!

Я хотел сказать что-то ещё, но внезапно в комнату ворвался ледяной, недобрый вихрь. Пламя лампы мгновенно погасло. Мо Чэ молниеносно выхватил меч — клинок время от времени вспыхивал тревожным багрянцем, и эти вспышки становились всё чаще.

Демон?

Яростный ветер трепал верхушки деревьев за окном. В темноте ветки походили на лапы лесных призраков, неистово колотящих по крыше. Завывания ветра напоминали стоны душ, заточённых в преисподней на тысячи лет.

— Не выходи, — приказал Мо Чэ, удерживая меня на месте, и тут же исчез во тьме.

Ага, так я и послушался!

Едва он скрылся, я выскочил следом. Осторожно пробравшись к лесу у ворот крепости, я увидел толпу вооружённых людей. В центре, прямо напротив Мо Чэ, стояла та самая женщина в фиолетовом с киноварной меткой на лбу — та, что ранила его в прошлый раз. А в её руках, истекающий кровью, был...

Цинь Хуань!

Сердце моё сжалось. Я с ужасом смотрел на израненного парня — кровь капала с него на землю, а Пурпурный длинный серп женщины глубоко вонзился в его плечо. Губы его беззвучно шевелились, он был мертвенно-бледен.

Женщина тонко улыбнулась, сохраняя притворно-вежливый тон:

— С трудом пробилась сквозь твой барьер, а тут такой горячий приём. Я прямо-таки польщена.

Она указала на меч в руках Мо Чэ:

— Давай договоримся. Отдай мне клинок, и я отпущу этого несчастного мальчишку.

— И не мечтай, тварь! — рявкнул кто-то из толпы.

— О? — Женщина прикрыла рот ладонью и изящно повернула запястье.

Пурпурный длинный серп мгновенно вырвался из раны и вонзился в другое плечо Цинь Хуаня. Брызнула кровь, парень вскрикнул от боли. Женщина насмешливо посмотрела на людей:

— И это ваша человеческая мораль? Вы готовы смотреть, как ваш друг умирает в муках, лишь

бы не отдавать железку?

Толпа безмолвствовала. Лицо Мо Чэ потемнело, он так сильно сжал рукоять Хэнчэня, что его рука мелко задрожала.

Женщина небрежно поправила прядь волос, её красивые глаза сверкнули недобрым торжеством:

— Раз уж он вам не нужен, я отправлю его на тот свет — к сестре и племянникам.

В её взгляде застыл холод. Не дожидаясь реакции людей, она замахнулась Пурпурным длинным серпом, целясь Цинь Хуаню в голову.

— Стой! — выкрикнул Мо Чэ.

Острие замерло у самой кожи парня. Мо Чэ поднял меч и громко произнес:

— Забирай клинок. Отпусти его!

Поскольку она не могла коснуться святого меча напрямую, она применила магию, чтобы перехватить его в воздухе. Заполучив оружие, женщина слегка поклонилась, не скрывая торжествующей улыбки:

— Благодарю за подарок. А теперь, глава, ловите своего человека!

С этими словами она подбросила Цинь Хуаня высоко в воздух. Мо Чэ бросился ловить его, а женщина, воспользовавшись моментом, стрелой кинулась прочь вместе с мечом.

«Ну уж нет!»

Моя Шпилька Управления Ветром была в тысячи раз быстрее неё. Прежде чем она успела покинуть гору Байхуэй, я преградил ей путь. Почувствовав погоню, она резко обернулась, и я, не успев затормозить, кувыркнулся через голову и пропахал носом землю.

Полный рот грязи.

— Ты? — на её губах заиграла змеиная усмешка.

Я вскочил, отряхиваясь, и вытер рот грязным рукавом:

— Я! И что с того?!

Она окинула меня взглядом, в котором читалось нескрываемое издевательство:

— Милый маленький бог... скажи, тебе понравилось проводить ночи со смертным?

Тот вечер... В памяти всплыли образы унижения и страха. Тело пронзила фантомная боль, пальцы похолодели и задрожали. Я сжал кулаки и процедил сквозь зубы:

— Это твоих рук дело...

Она посмотрела на меня с ледяным безразличием. Метка на её лбу вспыхнула зловещим багрянцем:

— И что из того? Мне нравится видеть, как вы, заносчивые небесные выскочки, мараетесь в грязи. Вы же ничтожества, а ещё смеете называть себя высшими существами. Смехота!

Я заметил, что за её спиной меч Мо Чэ окутан плотным сгустком энергии. Достать его тайком было почти невозможно. Я зажмурился на мгновение, а когда открыл глаза, ярость внутри сменилась холодной решимостью.

— Мир разделён по чистоте духа. Те, кто совершенствует сердце и разум, стоят выше всех. Даже у самого ничтожного бога душа светла. А те, кто пал на путь демонов и губит живое, обречены на вечное падение. Их души никогда не найдут покоя.

Я договорил и тонко улыбнулся. Она разозлилась, но всё ещё пыталась сохранить маску превосходства:

— Думаешь, ты сам остался чист?

Пока она разглагольствовала, я с помощью шпильки мгновенно сократил расстояние. Оказавшись вплотную, я выбрал самый неожиданный момент и изо всей силы схватил её за грудь.

— Разумеется, — осклабился я.

От такого неслыханного нахальства она на мгновение онемела, расширив глаза. Когда же до неё дошло, что произошло, она пришла в ярость. В её взгляде заплескалась жажда убийства.

Она без колебаний обрушила на меня свой Пурпурный длинный серп. Но я уже успел другой рукой перехватить рукоять меча и с огромным трудом отразил удар. Сила столкновения была

такой, что меня отбросило назад. Я рухнул на землю, и из горла выплеснулся ком крови.

Она медленно приближалась. Чтобы я не сбежал, она с силой наступила мне на руку. В ночной тишине отчетливо хрустнули ломающиеся кости.

— Я вырежу твои глаза, отрублю руки и ноги... а потом буду есть тебя по кусочку...

Её лицо исказилось от ярости. Я чувствовал себя как судно, попавшее в водоворот, ожидая последнего сокрушительного удара. Пальцы на рукояти меча почти не слушались, а сломанная нога не давала шанса на маневр.

Я уже решил, что это конец, но оказалось, что в этот лес сегодня пришла не только она.

Внезапно перед глазами мелькнула чёрная тень. Я не успел разглядеть лицо, но силуэт показался мне до боли знакомым. Раздались звуки короткой схватки, а затем — звонкая, хлесткая пощёчина.

— Проваливай, — голос был полон ледяного презрения.

Кажется, женщина в фиолетовом в ужасе сбежала.

Я попытался приподняться, но чёрная фигура уже стояла надо мной. Не дав мне опомниться, незнакомец отвесил мне пощёчину, схватил за подбородок и прошипел:

— Три тысячи лет прошло... Не думал я, что ты станешь настолько слаб, что не сможешь справиться даже с мелкой нечистью.

От удара в голове зашумело. В багровых отсветах меча я увидел копну иссиня-чёрных волос, окаймлённых зловещим сиянием. Передо мной стоял высокий мужчина в черно-красных одеждах. Знакомая горбинка на переносице, тонкие, идеально очерченные губы, замершие в усмешке... Наши взгляды встретились. Он смотрел на меня с нескрываемым презрением своими изумрудными глазами с миндалевидным разрезом. Всё такой же невероятно красивый и всё такой же невыносимый.

Я стиснул зубы от жгучей ненависти и выплюнул его имя:

— Фэнхуа.